

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9

Original article

КОСТРОВА Марина Борисовна
Уфимский университет науки и технологий,
Уфа, Россия,
e-mail: kostrovam@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1244-144X>

KOSTROVA Marina Borisovna
University of Science and Technology,
Ufa, Russia.

ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫЕ ТЕРМИНЫ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

PSEUDO-BLANKET TERMS IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW AND THEIR IMPACT ON
JUDICIAL PRACTICE

Аннотация. Актуальность исследования, представленного в настоящей публикации, в целом обусловлена существенным влиянием языковой формы российского уголовного закона на практику его применения, что требует научно обоснованного подхода к выбору лексических единиц при формулировании уголовно-правовых предписаний с целью придания им точности и ясности. Из большого массива существующих в этой сфере проблем выбрана одна, ранее почти не освещавшаяся в научной литературе, – проблема, состоящая во включении в бланкетные предписания российского уголовного закона псевдобланкетных терминов, что создает видимость зависимости содержания уголовно-правового предписания от нормативных правовых предписаний иной отраслевой принадлежности при фактическом отсутствии такой зависимости. Цель публикации – определение феноменологии псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе и выявление их влияния на судебную практику. В процессе исследования использованы общенаучные (индукции, дедукции, анализа, синтеза, системно-структурный) и традиционные для юриспруденции частнонаучные (формально-юридический, социологический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы познания, а также применяемые в лингвистике методы стилистического, лексического и контекстуального анализа. В результате проведенного исследования сформулировано определение понятия «псевдобланкетный термин», охарактеризована лингво-юридическая природа псевдобланкетных терминов уголовного закона, выделены их типы, установлены причины их появления, выявлено негативное влияние их наличия в российском уголовном законе, с одной стороны, на точность и ясность бланкетных уголовно-правовых предписаний, с другой – на складывающуюся судебную прак-

Abstract. The relevance of the research presented in this publication is generally due to the significant influence of the language form of the Russian criminal law on its application, which requires a scientifically sound approach to the selection of lexical units when formulating criminal law prescriptions to ensure their accuracy and clarity. Out of a large array of existing problems in this area, we have chosen one, which has not been covered in the scientific literature before, this is the problem of including pseudo-blanket terms in the blanket prescriptions of the Russian criminal law, which creates the impression that the content of a criminal law prescription is dependent on normative legal prescriptions of other sectoral affiliation, while in fact there is no such dependence. The purpose of the publication is to determine the phenomenology of pseudo-blanket terms in the Russian criminal law and to identify their impact on judicial practice. In the process of research, general scientific (induction, deduction, analysis, synthesis, system-structural) and traditional for jurisprudence specific scientific (formal-legal, sociological, historical-legal, comparative-legal) methods of cognition, as well as methods of stylistic, lexical and contextual analysis of the text used in linguistics are applied. As a result of the conducted research, the article formulates the definition of the concept “pseudo-blanket term”, characterizes the linguistic-legal nature of pseudo-blanket terms of the criminal law, identifies their types, establishes the reasons for their occurrence. The article reveals the negative impact of their presence in the Russian criminal law, on the one hand, on the accuracy and clarity of blanket criminal law prescriptions, and on the other hand, on the emerging judicial practice, manifested in the fact that the law enforcer is forced to use pseudo-blanket terms in

тику, проявляющееся в том, что правоприменитель вынужден использовать псевдобланкетные термины в своих решениях, поскольку излагать их можно только в той словесной форме, которая принята в уголовном законе; в итоге в правоприменительных актах фигурируют явления, по сути, не существующие в правовой реальности. Предлагаются авторские рекомендации, направленные на устранение псевдобланкетных терминов из текста российского уголовного закона и недопущение их использования в будущем.

Ключевые слова: уголовный закон, бланкетное уголовно-правовое предписание, взаимосвязь уголовного и иных отраслей права, язык уголовного закона, бланкетный термин, псевдобланкетный термин, судебная практика

Для цитирования: Кострова М.Б. Псевдобланкетные термины в российском уголовном законе и их влияние на судебную практику / М.Б. Кострова. – DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9 // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – № 2. – С. 75–85.

his decisions, since they can be stated only in the verbal form that is accepted in the criminal law; as a result, phenomena appear in law enforcement acts that do not exist in legal reality. The article offers the author's recommendations aimed at removing pseudo-blanket terms from the text of the Russian criminal law and preventing their use in the future.

Keywords: criminal law, blanket criminal law prescription, interrelation of criminal and other branches of law, language of criminal law, blanket term, pseudo-blanket term, judicial practice

For citation: Kostrova M.B. Pseudo-Blanket Terms in the Russian Criminal Law and Their Impact on Judicial Practice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2025, no. 2, pp. 75–85. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos-2025.2.9.

ВВЕДЕНИЕ

Охранительная функция уголовного права, отраженная в ч. 1 ст. 2 УК РФ, заключающаяся в охране от преступных посягательств практически всех сторон жизни социума, обуславливает наличие в Кодексе значительного количества бланкетных уголовно-правовых предписаний, причем присутствуют они не только в Особенной, но и в Общей части УК РФ. Содержательная специфика бланкетного уголовно-правового предписания, являющегося универсальной формой отражения системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права, заключается в том, что в его содержание включается нормативное правовое предписание иной отраслевой принадлежности [см.: 1]. Формализация же межотраслевых связей в уголовном законе, как указывает Н.И. Пикуров, сводится к двум способам: «...бланкетной диспозиции и бланкетным признакам. В первом случае используется "чужое" нормативное предписание со всеми его атрибутами (ссылка на нарушение определенных правил и т. п.), во втором – используются отдельные элементы или признаки таких предписаний (употребление "чужого"

термина и т. п.)» [2, с. 12]. Соответственно, одна из языковых особенностей бланкетного уголовно-правового предписания проявляется в наличии в нем бланкетного термина (Н.И. Пикуров именует его «чужим») – заимствованного из иной отрасли или подотрасли права (международного, конституционного, гражданского, административного, семейного, лесного, таможенного, налогового, уголовно-процессуального, гражданского процессуального и др.) слова или словосочетания, обозначающего понятие этой отрасли. Таким образом, язык уголовного закона является одним из детерминантов образования системных связей правовых предписаний различных отраслей права [3, с. 41–42]. И если термин (по происхождению, своим функциям и т. д.) связан с конкретной сферой общественных отношений, то его терминологическим полем будет отрасль или комплекс отраслей, регулирующих данные отношения [2, с. 13–14]. Поэтому вполне очевидно, что в бланкетных уголовно-правовых предписаниях воспроизведение заимствованного термина должно осуществляться строго в той словесной форме, которая принята в актуальной редакции закона или иного норматив-

ного правового акта иной отраслевой принадлежности. В основном эта задача законодателем успешно решается, однако в тексте российского УК встречаются термины, которые, по мнению автора, с полным основанием позволительно именовать «псевдобланкетные».

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫХ ТЕРМИНОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА

Псевдобланкетным термином, по моему представлению, следует считать используемое в бланкетном уголовно-правовом предписании слово или словосочетание, не имеющее языкового выражения, полностью соответствующего принятому в корреспондирующих отраслях права, создающее видимость зависимости содержания уголовно-правового предписания от нормативных правовых предписаний иной отраслевой принадлежности при фактическом отсутствии такой зависимости в силу неимения у него иноотраслевого терминологического поля. Таковыми в настоящее время являются, например, следующие.

1. Псевдобланкетные термины «открытое водное пространство» и «судно, приписанное к порту Российской Федерации», обозначающие в первом предложении ч. 3 ст. 11 УК РФ место совершения преступления для целей определения национальной уголовной юрисдикции в отношении лиц, совершивших преступления на собственной территории государства, не соответствуют терминологии, принятой в международном праве (об иных проявлениях псевдобланкетности в первом предложении ч. 3 ст. 11 УК РФ подробнее см.: [4, с. 108–111]). В частности, в Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. используется термин «открытое море» (см., например, ч. VII), а национальность гражданского водного судна определяется не портом приписки, а флагом государства, под которым оно имеет право плавать (ст. 91)¹. В Конвенции ООН об открытом море от 29 апреля 1958 г. употребляется аналогичная терминология². Национальная

же принадлежность гражданских воздушных судов регламентируется Конвенцией о международной гражданской авиации от 7 декабря 1944 г., где закреплено: «Воздушные суда имеют национальность того государства, в котором они зарегистрированы» (ст. 17); «Каждое воздушное судно, занятое в международной аэронавигации, имеет соответствующие национальные и регистрационные знаки» (ст. 20)³. Помимо этого, Конвенцией ООН о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, от 14 сентября 1963 г. закреплено, что уголовную юрисдикцию в отношении указанных в ней преступлений вправе осуществлять государство регистрации воздушного судна (ст. 3)⁴. Указанные псевдобланкетные термины содержатся в ч. 3 ст. 11 УК РФ с момента принятия Кодекса в 1996 г.

Такой подход законодателя к выбору лексических единиц видится, мягко говоря, странным, поскольку на тот момент Россия была участницей всех вышеперечисленных конвенций и три из них (вторая, третья и четвертая) уже вступили в силу для нее (как для правопреемницы (продолжательницы) СССР – см. ч. 1 ст. 67¹ Конституции РФ) с 30 сентября 1962 г., с 14 ноября 1970 г. и с 3 мая 1988 г. соответственно (Конвенция ООН по морскому праву ратифицирована Россией в 1997 г.).

К тому же к моменту принятия УК РФ уже был принят Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств⁵ – законодательный акт рекомендательного характера, направленный на сближение уголовно-правового регулирования и предназначенный парламентам государств – участников СНГ для использования

3 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/chicago_conv.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

4 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/crimes_ aboard.shtml (дата обращения: 30.04.2025).

5 Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 17.02.1996 № 7-5 (с посл. изм. и доп. от 17.11.2023 № 56-10) // Сайт Исполкома СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/563#text> (дата обращения: 30.04.2025).

1 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/lawsea.shtml (дата обращения: 30.04.2025).

2 Организация Объединенных Наций : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hsea.pdf (дата обращения: 30.04.2025).

при разработке национального уголовного законодательства, где в формулировке правила ч. 5 ст. 13 использована соответствующая международному праву терминология – «открытое море» и «судно, находящееся под флагом государства». И этим модельным правилом в части обозначения национальности гражданских судов по государственному флагу воспользовались несколько государств, а именно Грузия⁶, республики Армения, Таджикистан, Узбекистан, включив в свои национальные правила формулировки: «корабль или находящееся в полете воздушное судно или иной летательный аппарат под флагом Республики Армения или с отличительным знаком Республики Армения» (ч. 1 ст. 11 УК Республики Армения⁷), «водное или воздушное судно под флагом либо с опознавательными знаками Республики Таджикистан» (ч. 3 ст. 14 УК Республики Таджикистан⁸), «воздушное, морское или речное судно находится под флагом... Узбекистана» (ч. 3 ст. 11 УК Республики Узбекистан⁹), «судно, правомочное пользоваться Государственным флагом или опознавательными знаками Грузии» (ч. 3 ст. 4 УК Грузии¹⁰). Как видим, в трех зарубежных УК (республик Армения, Таджикистан и Узбекистан) конкретизируются виды судов и в три УК (Грузии, республик

6 С 18 августа 2009 г. Грузия не является государством – участником Содружества Независимых Государств.

7 Уголовный кодекс Республики Армения от 27.05.2021 № ЗР-199-Ն (с посл. изм. и доп. от 19.12.2024 № ЗР-510) // Национальное Собрание Республики Армения : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/law_docs/8/27052021H0199_rus.pdf (дата обращения: 30.04.2025). Выше приведен текст из действующего в настоящее время УК Республики Армения 2021 г, аналогичная терминология была использована в ч. 4 ст. 14 утратившего силу первого УК Республики Армения 2003 г.

8 Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21.05.1998 № 574 (с посл. изм. и доп. от 15.04.2025 № 2163) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 30.04.2025).

9 Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22.09.1994 № 2012-ХП (с посл. изм. и доп. от 27.03.2025 № ЗРУ-1051) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 30.04.2025).

10 Уголовный кодекс Грузии от 22.07.1999 № 2287-вс (с посл. изм. и доп. от 06.02.2025 № 285) // Континент : информационная система [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 30.04.2025).

Армения и Таджикистан) включен альтернативный вариант определения национальности судна – наличие на нем опознавательного (отличительного) знака государства. В наибольшей же степени международно-правовой терминологии соответствует языковая форма правила, закрепленного в УК Грузии, в котором имеется уточнение о правомочности судна пользоваться государственным флагом.

2. Имеющий сходство с гражданско-правовым термином «право на изобретение» псевдобланкетный термин «изобретательские права», используемый в заголовке ст. 147 УК РФ «Нарушение изобретательских и патентных прав», не употребляется в гражданском праве. В ч. 4 ГК РФ патентными правами признаются «интеллектуальные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы» (гл. 72 «Патентное право», ст. 1345 «Патентные права»), из чего следует, что самостоятельных изобретательских прав вне патентных в настоящее время гражданским правом не предусмотрено. Можно было бы предположить, что используемый в заголовке ст. 147 УК РФ термин «изобретательские права» является устаревшим, поскольку ч. 4 ГК РФ от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ введена в действие с 1 января 2008 г. Однако он не употреблялся в гражданском праве и на момент принятия УК РФ в 1996 г. – ни в специальном Законе СССР от 31 мая 1991 г. № 2213-1 «Об изобретениях в СССР» (применяется до настоящего времени в части, не противоречащей ч. 4 ГК РФ), ни в Патентном законе РФ от 23 сентября 1992 г. № 3517 (утратил силу с 1 января 2008 г.). Заметим также, что соответствующая статья 146 и 147 УК РФ ст. 161 Модельного УК для государств – участников СНГ изначально имела (и сейчас имеет) заголовок «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» и в части использования термина «права патентообладателей» могла бы служить образцом для заголовка ст. 147 российского УК.

3. Псевдобланкетным является термин «электронные сети», создающий видимость зависимости содержания уголовно-правовых предписаний от нормативных правовых предписаний информационного права, но ни в одном российском нормативном правовом акте словосочетание «электронные сети» именно

в такой языковой форме не встречается. Данный термин нередко используется в УК РФ, в частности для обозначения общественно опасного действия в ч. 1 ст. 185³ («манипулирование рынком, то есть умышленное распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть "Интернет"), заведомо ложных сведений...»), а также для обозначения средства совершения преступления при формулировании способа совершения преступления – «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"». При этом дважды встречается вариант «(включая сеть "Интернет")». Этот способ совершения преступления выступает в качестве квалифицирующего признака составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205² (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), п. «б» ч. 2 ст. 228¹ (сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), ч. 1.1 ст. 258¹ (незаконное приобретение или продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их частей и дериватов), ч. 2 ст. 260¹ (незаконные приобретение или продажа особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу РФ и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их продуктов, частей и дериватов), ч. 2 ст. 280¹ (публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации), п. «в» ч. 2 ст. 280⁴ (публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства).

Вместе с тем в базовых законах информационного права используются только термины «средства массовой информации» и «информационно-телекоммуникационные сети», причем обозначаемые ими понятия имеют легальные определения (см.: ст. 2 Закона РФ

от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). С учетом того, что термин «электронные сети» вводился в УК РФ в 2010–2023 гг., то есть не с момента его принятия в 1996 г., а уже при действующем Законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», очевидно, что за ним не стоит отображаемое явление правовой реальности.

4. В п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ об отмене условно-досрочного освобождения от отбывания наказания используется термин «административное взыскание», однако им обозначался вид юридической ответственности за совершение административного правонарушения в КоАП РСФСР 1984 г., в действующем же КоАП РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ принято иное его терминологическое обозначение – «административное наказание». Соответственно, на момент принятия УК РФ в 1996 г. термин «административное взыскание» был бланкетным, но с введением в действие КоАП РФ с 1 июля 2002 г. он стал псевдобланкетным по причине устарелости, то есть его несоответствия обновленной номинации вида юридической ответственности за совершение административного правонарушения в административном праве.

5. Псевдобланкетный термин «лицо, производящее дознание» используется во многих статьях гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Им обозначаются субъект преступления (ст. 300, ч. 1 ст. 302, ч. 2 ст. 303) и потерпевший от преступления (ст. 295, ч. 2 ст. 296, заголовок и ч. 2 ст. 298.1), также он входит в описание общественно опасного действия (ч. 2 ст. 294, ст. 310). Как и в предыдущем случае, данный термин на момент принятия УК РФ в 1996 г. был бланкетным, так как в действовавшем тогда УПК РСФСР 1960 г. соответствующая процессуальная фигура именовалась именно так: «лицо, производящее дознание». Но с введением в действие УПК РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с 1 июля 2002 г. данный термин стал псевдобланкетным по причине устарелости, поскольку теперь должностное лицо органа до-

знания, правомочное либо уполномоченное начальником органа дознания осуществлять предварительное расследование в форме дознания и иные полномочия, предусмотренные УПК РФ, именуется «дознатель».

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в настоящее время в тексте российского уголовного закона имеется два типа псевдобланкетных терминов: 1) термины, которые вообще не содержатся в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности и не содержались в них на момент принятия УК РФ в 1996 г.; 2) «устаревшие» бланкетные термины, которые стали псевдобланкетными в силу их несоответствия обновленной терминологии корреспондирующих нормативных правовых актов неуголовного права.

Существование этих двух типов псевдобланкетных терминов в российском УК обусловлено, как думается, двумя причинами. Включение в УК РФ псевдобланкетных терминов первого типа можно объяснить только и исключительно отсутствием должного внимания законодателя к выбору лексических единиц при формулировании бланкетных уголовно-правовых предписаний. Причиной же появления псевдобланкетных терминов второго типа является отсутствие «параллельной» законодательной корректировки бланкетной терминологии в уголовном законе при замене или исключении существующих либо вводе новых терминов в корреспондирующие отрасли права. Указанные причины в совокупности свидетельствуют о наличии главной «первопричины», лежащей в их основе, – недостаточном внимании законодателя к обеспечению единства терминологических обозначений в УК РФ и в корреспондирующих нормативных правовых актах неуголовного права, что влечет их рассогласованность.

Но каковы бы ни были причины, наличие в уголовном законе псевдобланкетных терминов недопустимо, что обуславливается не столько соображениями лингвистической корректности, сколько собственно юридическими потребностями. Содержание каждого из бланкетных уголовно-правовых предписаний в целом складывается из разных по своей отраслевой природе компонентов – уголовно-

но-правовых и других отраслей (подотраслей) права. При этом значение используемых в уголовном законе иноотраслевых терминов раскрывается в корреспондирующих отраслях права. Раскрыть же значение псевдобланкетного термина уголовного закона невозможно, так как он, не имея языкового выражения, полностью соответствующего принятому в корреспондирующих отраслях, в силу формальной определенности права не является словом или словосочетанием, обозначающим понятие другой отрасли права. За любым термином стоит понятие, то есть форма мышления, отражающая предметы и явления действительности в их существенных признаках. Но если термин уголовного закона псевдобланкетный, за ним не стоит явление действительности, входящее в сферу регулирования иной отрасли права, следовательно, иноотраслевой компонент бланкетного уголовно-правового предписания формально оказывается пустым.

Таким образом, наличие в российском УК псевдобланкетных терминов оказывает негативное влияние на точность и ясность бланкетных уголовно-правовых предписаний.

ВЛИЯНИЕ ПСЕВДОБЛАНКЕТНЫХ ТЕРМИНОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО КОДЕКСА НА СУДЕБНУЮ ПРАКТИКУ

Наличие в УК РФ псевдобланкетных терминов оказывает крайне негативное влияние на судебную и иную правоприменительную практику, поскольку правоприменитель вынужден использовать их в своих решениях, которые он излагает только в той словесной форме, которая принята в уголовном законе.

Например, в судебных решениях по уголовным делам до настоящего времени вынужденно употребляется псевдобланкетный термин «административное взыскание», обозначающий, по сути, давно не существующий в административном праве вид юридической ответственности, так как Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 апреля 2009 г. № 8 в п. 21 требует от судов: «В случае принятия решения об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суду надлежит разъяснить осу-

жденному положения части 7 статьи 79 УК РФ...»¹¹. Соответственно, текст ч. 7 ст. 79 суды приводят в своих решениях дословно¹².

Зададимся вопросом: можно ли на уровне праворазъяснительной и правоприменительной практики «переделать» псевдобланкетный термин уголовного закона на бланкетный, то есть привести его в языковой форме, соответствующей корреспондирующей отрасли неуголовного права? Ответ на него отрицательный по следующим причинам.

Пленум Верховного Суда РФ, исходя из своей компетенции, пока это делать не рискует, по крайней мере специально на это не нацелен (хотя в других ситуациях нередко достаточно вольно толкует текст уголовного закона). Так, в постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 Пленум Верховного Суда РФ при даче разъяснений по вопросам применения уголовно-правовой нормы об ответственности за фальсификацию доказательств, предусмотренной ст. 303, где в ч. 2 фигурирует термин «лицо, производящее дознание», привел его именно в этой формулировке УК РФ (п. 12), а при разъяснении вопросов применения иных норм гл. 31 УК, в которых этот термин не содержится, перешел на используемый в УПК РФ термин «дознатель» (п. 2, 3, 4, 27), но не удержался в этой схеме, и, скорее всего, случайно назвал «дознателем» субъекта принуждения к даче показаний, обозначенного в ст. 302 УК как «лицо, производящее дознание» (п. 7, 10)¹³. Вместе с тем иногда Пленум Верховного Суда РФ пытается нивелировать псевдобланкетность законодательного терми-

на. К примеру, в абз. 2 п. 17 постановления от 15 декабря 2022 г. № 37 он специально разъяснил: «Для целей уголовного законодательства понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются»¹⁴.

Еще один показательный пример, к счастью, уже ставший историческим. В период с 1 января 2015 по 30 марта 2024 г. сложилась парадоксальная ситуация: ни ЕврАзЭС, ни Таможенного союза в его рамках уже не существовало¹⁵, но были установлены уголовная ответственность и иная мера уголовно-правового характера в виде конфискации имущества за незаконное перемещение предметов контрабанды через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Госграницу РФ с государствами – его членами. С целью ее разрешения Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 27 апреля 2017 г. № 12 дал разъяснение, что с учетом положений п. 2 ст. 101 Договора о Евразийском экономическом союзе «...под используемыми в статьях 200¹... 226¹ и 229¹ УК РФ терминами "таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС"... "Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС" следует понимать соответственно "таможенная граница Евразийского экономического союза"... "Государственная граница Российской Федерации с государствами – членами Евразийского экономического союза"...»¹⁶.

11 О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/8106/> (дата обращения: 30.04.2025).

12 См., например: апелляционные постановления Пермского краевого суда от 18.02.2025 по делу № 22-653/2025 и Ростовского областного суда от 24.12.2024 № 22-6381/2024; постановление 35 гарнизонного военного суда от 25.05.2021 № 4/1-1/2021. Здесь и далее все приводимые судебные решения взяты из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31333/> (дата обращения: 30.04.2025).

14 О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vsrf.ru/documents/own/31913/> (дата обращения: 30.04.2025).

15 Деятельность Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) с 1 января 2015 г. была прекращена, его место с этой даты заняла новая международная организация региональной экономической интеграции – Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве от 26 февраля 1999 г. тоже прекратил действие в связи с прекращением деятельности ЕврАзЭС.

16 О судебной практике по делам о контрабанде : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.04.2017 № 12 (в ред. от 11.06.2020 № 7) // Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/15985/> (дата обращения: 30.04.2025).

На уровне правоприменительной практики «переделать» псевдобланкетный термин уголовного закона на бланкетный тоже нельзя, и вот почему. Любое процессуальное решение в части применения уголовно-правовой нормы (или норм) в соответствии с предписаниями УПК РФ (ч. 4 ст. 7, ч. 2 ст. 297) должно быть законным и обоснованным, что требует его фактического и правового обоснования, а последнее невозможно сделать с отступлением от буквального текста этой нормы (или норм) уголовного закона. Так, суды считают, что формулировка обвинения должна соответствовать диспозиции статьи УК РФ¹⁷ и что УК и УПК «...предполагают точное изложение в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора диспозиции статьи уголовного закона, по которой квалифицированы действия виновного лица»¹⁸. Данный подход основан на положениях п. 3 ч. 1 ст. 299, п. 1, 5 ст. 307 УПК РФ и разъяснении, содержащемся в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре». Вследствие этого существенным нарушением закона (уголовного и (или) уголовно-процессуального), влекущим отмену приговора либо решения суда вышестоящей инстанции, в судебной практике считаются: несоответствие предъявленного обвинения (как вариант – изложенного в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, в обвинительном заключении) диспозиции статьи УК РФ¹⁹ и неприведение ее в полном объеме²⁰; неприведение диспозиции в обоснование квалификации деяния²¹; приведение квалификационной формулировки, не

соответствующей диспозиции²²; нераскрытие ее содержания (что означает отсутствие должной юридической оценки содеянного)²³.

Соответственно, при применении уголовно-правовых норм, сформулированных с использованием псевдобланкетных терминов, такие термины вынужденно воспроизводятся в правоприменительных актах, тем самым в них фигурируют явления, по сути, не существующие в правовой реальности. При этом следует иметь в виду, что в законодательном тексте термин является языковой формой выражения определенной части нормативного правового предписания – правовой формулы, выражающей законченную мысль, в виде которой в тексте закона излагается содержание нормы права (о нормативных правовых предписаниях подробнее см.: [5, с. 265–266]). Поэтому применение уголовно-правовых норм, в состав которых входят бланкетные предписания, сформулированные с использованием псевдобланкетных терминов, влечет для лица, совершившего преступление, негативные уголовно-правовые последствия при формальном отсутствии их оснований.

Так, совершение осужденным административного правонарушения (по изученным материалам судебной практики это в основном предусмотренные ст. 20.20 и 20.21 КоАП РФ нарушения общественного порядка), за которое на него было наложено не существующее в административном праве административное взыскание, становится основанием для неблагоприятных для него уголовно-правовых последствий – отмены условно-досрочного освобождения и исполнения оставшейся не отбытой части наказания²⁴. Например: «...суд, обоснованно установив, что осужденный Ф. в период условно-досрочного освобождения дважды совер-

17 Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.12.2024 № 77-3259/2024.

18 Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 11.01.2024 № 77-5/2024.

19 Кассационные определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.09.2023 № 77-4504/2023 и Второго кассационного суда общей юрисдикции от 08.12.2022 № 77-4350/2022.

20 См.: обзор апелляционной практики по уголовным делам, рассмотренным судами Красноярского края в 2022 г. по главам 31, 32 УК РФ.

21 Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 02.12.2020 по делу № 55-679/2020.

22 См.: обзор судебной практики Приморского краевого суда по уголовным делам и материалам за второе полугодие 2022 г. от 27 января 2023 г.

23 Апелляционное определение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 07.04.2022 по делу № 22-564/2022.

24 См.: апелляционные постановления Псковского областного суда от 01.12.2022 по делу № 22-771/2022, Брянского областного суда от 21.02.2024 по делу № 4/8-2/2023, Тверского областного суда от 18.09.2024 по делу № 22-2179/2024.

шил нарушения общественного порядка, за которые на него были наложены административные взыскания, с учетом данных о его личности принял правильное решение об отмене условно-досрочного освобождения и направлении осужденного Ф. для отбывания наказания в исправительную колонию общего режима»²⁵.

Еще хуже обстоит дело, когда псевдобланкетным термином обозначается какой-либо признак состава преступления, который, в свою очередь, входит в основание уголовной ответственности. В связи с этим люди осуждаются за преступления, описание составов которых включает признаки, не существующие в правовой реальности. Например, по ч. 2 ст. 296 УК РФ за угрозу убийством в отношении «лица, производящего дознание» в связи с производством им предварительного расследования²⁶; по ч. 2 ст. 294 УК РФ за «вмешательство... в деятельность лица, производящего дознание, в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела»²⁷; по ч. 2 ст. 303 УК РФ за фальсификацию доказательств по уголовному делу «лицом, производящим дознание» и по ст. 300 УК РФ за незаконное освобождение от уголовной ответственности «лицом, производящим дознание»²⁸. Или, например, по ст. 200¹, 226¹, 229¹ УК РФ, составы контрабанды в которых с 1 января 2015 по 30 марта 2024 г. включали юридически несуществующее место совершения преступления: за «незаконное перемещение через таможенную границу "Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС" наличных денежных средств в крупном размере»²⁹; за незаконное переме-

щение через Государственную границу РФ с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ»³⁰; за «незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС наркотических средств»³¹. И хотя на законодательном уровне ситуация была исправлена в результате принятия Федерального закона от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ, вступившего в силу с 1 апреля 2024 г., которым в ст. 200¹, 226¹ и 229¹ УК РФ слова «Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» были заменены словами «Евразийского экономического союза», а в примечаниях 1–3 к ст. 200¹ сделана отсылка к праву Евразийского экономического союза, «живучесть» псевдобланкетных терминов в правоприменительной практике сохраняется до настоящего времени в силу правила ч. 1 ст. 9 УК РФ³². Например: «Суд апелляционной инстанции считает необходимым... квалифицировать его действия по уголовному закону, действовавшему на момент совершения преступления, то есть по ч. 1 ст. 226.1 УК... по признакам: незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС...»; «Приведение терминологии, используемой в ст. 226.1 УК... в соответствии с терминологией, используемой в праве Союза (Евразийский экономический союз), не относится к изменениям, подлежащим учету в силу ст. 10 УК...»³³.

Перечень примеров, иллюстрирующих негативные последствия наличия псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе, может быть продолжен, но и приведенные, как думается, наглядно иллюстрируют, что псевдобланкетный термин – далеко не безобидная лексическая единица.

²⁵ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.05.2024 № 77-1733/2024.

²⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.11.2007 по делу № 42-007-16; приговоры Барун-Хемчикского районного суда Республики Тыва от 22.09.2021 по делу № 1-160/2021 и Стерлитамакского городского суда Республики Башкортостан от 22.10.2021 по делу № 1-65/2021.

²⁷ Приговор Приволжского районного суда г. Казани от 26.07.2021 по делу № 1-25/2021.

²⁸ Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 06.09.2023 по делу № 22-3942/2023 ; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2022 № 77-2369/2022.

²⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга от 22.02.2017 по делу № 1-69/2017.

³⁰ Приговор Октябрьского районного суда г. Краснодара от 19.09.2023 по делу № 1-344/2023.

³¹ Приговор Севского районного суда Брянской области от 26.06.2018 по делу № 1-73/2018.

³² См., например: кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 № 77-798/2025; апелляционные определения Санкт-Петербургского городского суда от 28.08.2024 № 22-7510/2024 и Ленинградского областного суда от 12.02.2025 № 22-257/2025.

³³ Апелляционное определение Астраханского областного суда от 11.07.2024 по делу № 22-1128/2024.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изложенное позволяет заключить, что существует острая потребность в устранении псевдобланкетных терминов из текста российского уголовного закона и недопущении их существования в будущем.

Для решения первой задачи есть, как думается, только один способ, хотя понятно, что он иллюзорный: псевдобланкетные термины нужно обнаружить и заменить на бланкетные, которыми оперируют иные отрасли права. Кто может придать импульс такой работе и на кого ее возложить? Лично у меня ответа на этот вопрос нет, поскольку для такой масштабной работы, требующей полной ревизии российского УК с учетом межотраслевых связей, нужна политическая воля. Но если законодатель все же решится на такую работу, хорошим подспорьем, как видно из сравнительно-правовых фрагментов выше, может служить позитивный опыт уголовного законодательства зарубежных государств, выявленный по результатам сравнительно-право-

вых исследований, имеющих прагматическую цель (об этой цели и практико-прикладной функции сравнительного правоведения см. подробнее: [6, с. 41–42; 7, с. 138–139]).

Для решения второй задачи – недопущения существования псевдобланкетных терминов в российском уголовном законе в будущем – необходимо межотраслевое согласование терминологических обозначений в случаях, когда замена или исключение существующих либо ввод новых терминов в корреспондирующие отрасли права должны влечь за собой соответствующую «параллельную» корректировку бланкетной терминологии в уголовном законе. Для этого вполне достаточно реального и полномасштабного воплощения в жизнь механизмов, предусмотренных Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания РФ в части межотраслевых согласований, проведения правовой, юридико-технической, лингвистической и научной экспертиз (пп. «в» п. 1 ст. 105, п. 1, 2 ст. 112, п. 8 ст. 119, п. 6, 7 ст. 121, п. 1 ст. 124).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кострова М.Б. Бланкетное уголовно-правовое предписание как универсальная форма отражения системной взаимосвязи уголовного и иных отраслей права / М.Б. Кострова // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения : материалы XIII Российского конгресса уголовного права. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – С. 62–65.
2. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н.И. Пикуров. – Волгоград, 1998. – 410 с.
3. Пикуров Н.И. Квалификация преступлений с бланкетными признаками состава : монография / Н.И. Пикуров. – Москва : Российская академия правосудия, 2009. – 288 с.
4. Фролова А.И. Действие российского уголовного закона в пространстве: законодательная регламентация и перспективы ее совершенствования с учетом опыта уголовного законодательства зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.И. Фролова. – Уфа, 2013. – 230 с.
5. Законодательная техника : научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. – Москва : Городец, 2000. – 272 с.

REFERENCES

1. Kostrova M.B. Blanket Criminal Law Order as a Universal Form of Reflection of the Systemic Relationship of Criminal and Other Branches of Law. *Criminal Law in the System of Inter-Branch Connections: Problems of Theory and Law Enforcement. Materials of the XIII Russian Congress of Criminal Law*. Moscow, YurLitinform Publ., 2022, pp. 62–65. (In Russian).
2. Pikurov N.I. Theoretical Problems of Inter-Branch Connections of Criminal Law. *Doct. Diss.* Volgograd, 1998. 410 p.
3. Pikurov N.I. Qualification of Crimes with Blanket Features of Composition. *Russian Academy of Justice Publ.*, 2009. 288 p.
4. Frolova A.I. The Effect of Russian Criminal Law in Space: Legislative Regulation and Prospects for Its Improvement, Taking into Account the Experience of Criminal Legislation of Foreign Countries. *Cand. Diss.* Ufa, 2013. 230 p.
5. Tikhomirov Yu.A. (ed.). *Legislative Technique*. Moscow, Gorodec, 2000. 272 p.

6. Демичев А.А. Классическое и хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение: общее и особенное / А.А. Демичев // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (75). – С. 39–44.

7. Кострова М.Б. Законотворческие ошибки в конструировании российской уголовно-правовой нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и возможности использования зарубежного опыта для их исправления. Часть вторая / М.Б. Кострова // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (74). – С. 136–150.

6. Demichev A.A. Classical and Chronodiscrete Mono-Geographical Comparative Jurisprudence: General and Specific. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1, pp. 39–44. (In Russian).

7. Kostrova M.B. Legislative Errors in the Construction of the Russian Criminal Law Norm on Liability for Violations of the Rules of Road Traffic and Operation of Vehicles, and the Possibility of Using Foreign Experience to Correct Them. Part Two. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 136–150. (In Russian). DOI 10.33184/pravgos.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кострова Марина Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Института права, заслуженный юрист Республики Башкортостан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostrova Marina Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Institute of Law, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 21.05.2025. The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 21.05.2025.